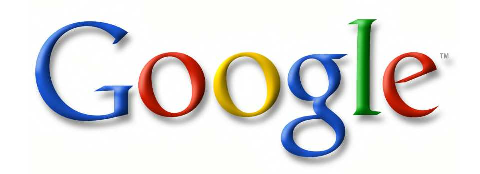
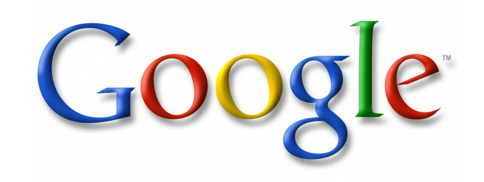
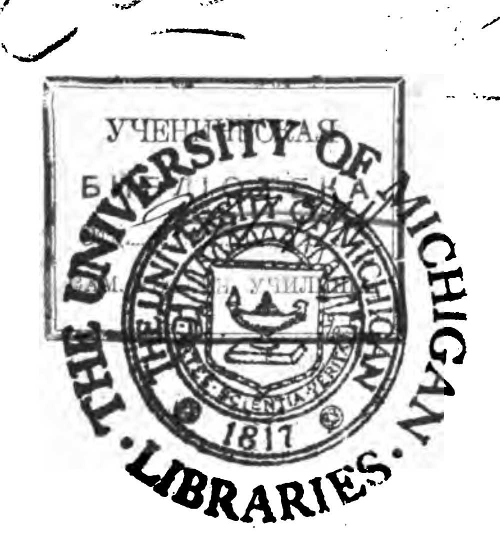
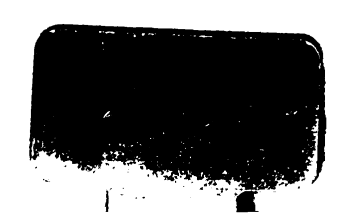

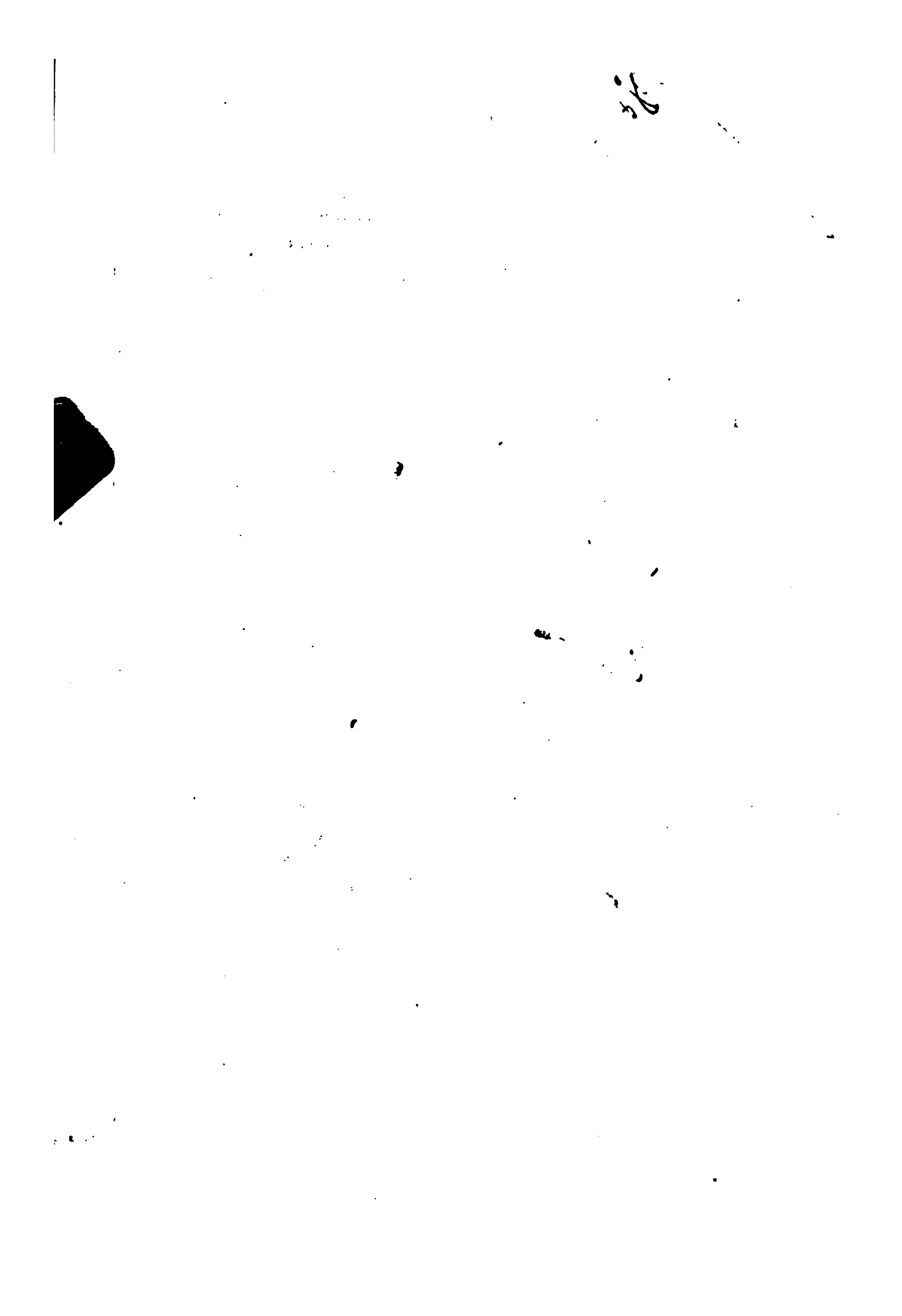

891.78
G60
E96
A 470510

225

УЧЕНИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
САМ. ... УЧИЛИЩА
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
LIBRARIES
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817

И. Е. ЕВСѢЕВЪ.

ОТНОШЕНІЯ
Гоголя и Жуковскаго
къ искусству и къ художникамъ.

Сообщеніе, читанное учащимся въ Московскихъ: Коммерческомъ училищѣ и Учительскомъ Институтѣ 23 апрѣля 1902 года въ день чествованія памяти В. А. Жуковскаго.

Изданіе журнала
„ВѢСТНИКЪ УЧИТЕЛЕЙ РИСОВАНІЯ“.
Цѣна 20 коп.

И. Е. ЕВСѢЕВЪ.

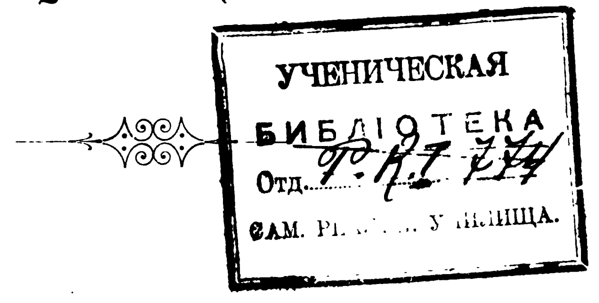
ОТНОШЕНІЯ ГОГОЛЯ и ЖУКОВСКАГО

къ искусству и къ художникамъ.

(Сообщеніе, читанное учащимся въ Московскихъ: Коммерческомъ училищѣ и Учительскомъ Институтѣ 23 апрѣля 1902 г. въ день чествованія памяти В. А. Жуковскаго).

Изданіе журнала „Вѣстникъ Учителей Рисованія“.

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія АЛЬТШУЛЕРА. Эртелевъ пер., 17—9.
1902.

Дозволено цензурою, СПБ. 10 іюня, 1902 года.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Выпуская въ свѣтъ свой очеркъ, я нисколько не претендовалъ на новизну сообщаемаго. Все то, что здѣсь изложено, было въ свое время напечатано въ различныхъ изданіяхъ, и я лишь только суммировалъ матеріалъ, который, по моему мнѣнію, не только не безынтересенъ, но и полезенъ, въ особенности для нашего подростающаго поколѣнія.

Дѣятельность Гоголя и Жуковскаго въ настоящее время освѣщена довольно разнообразно и личность ихъ выяснена со многихъ точекъ зрѣнія. До сего времени, однако, отношенія обоихъ писателей къ изобразительнымъ искусствамъ были мало затронуты, хотя тотъ и другой писатель, какъ это видно изъ моего очерка, имѣли съ такого рода искусствами много точекъ соприкосновенія.

Главнымъ матеріаломъ, откуда мною были почерпнуты свѣдѣнія, послужили сочиненія обоихъ писателей, извѣстное изданіе П. А. Кулиша: „Записки о жизни Гоголя“ и труды талантливаго знатока и неутомимаго изслѣдователя Гоголевскаго вопроса В. И. Шенрока.

Кромѣ этихъ трудовъ, матеріаломъ для очерка служили: ст. Н. А. Лавровскаго — „Гимназія выс-

1*

шихъ наукъ“, соч. П. Загарина — „В. А. Жуковскій и его произведенія“, Д. А. Ровинскій—„Н. И. Уткинъ, его жизнь и произведенія“, Мих. Боткинъ — „А. А. Ивановъ, его жизнь и переписка“, П. В. Анненковъ — „Воспоминанія“ и статьи о Гоголѣ и Жуковскомъ, а также и ихъ письма, помѣщенныя въ журналахъ: „Русская Старина“, „Русскій Архивъ“, „Вѣстникъ Европы“ и др.

Отношенія Гоголя и Жуковскаго къ искусству и къ художникамъ.

Въ дни поминовеній нашихъ отечественныхъ писателей намъ, педагогамъ, конечно очень желательно представить своимъ ученикамъ духовный обликъ писателей съ возможной всесторонностью, и я, какъ спеціалистъ, выбралъ тему подъ только-что названнымъ мною заглавіемъ.

Собирая свѣдѣнія объ отношеніяхъ только Жуковскаго къ искусству, мы не могли, однако, отдѣлить имя одного писателя отъ имени другого, до такой степени, казалось намъ, близки они не только во взглядахъ на задачи искусства, но и въ самыхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ служителямъ искусства — художникамъ.

Гоголь когда-то писалъ изъ Неаполя Жуковскому: „Хотѣлось бы поговорить о томъ, о чемъ съ однимъ тобой могу говорить: о нашемъ миломъ *искусствѣ*, для котораго живу и для котораго учусь теперь какъ школьникъ“...

Потомъ онъ продолжаетъ: „Что насъ свело, неравныхъ годами? Искусство. Мы почувствовали родство, сильнѣйшее обыкновеннаго родства. Отчего? Оттого, что чувствовали оба святыню искусства“.

Но насъ, однако, интересовали главнымъ образомъ отношенія обоихъ писателей лишь къ одной отрасли искусствъ, именно къ искусствамъ изобразительнымъ, поэтому въ наши задачи вовсе уже не входили разсужденія о взглядахъ Гоголя и Жуковскаго на поэзію, театръ и др. роды искусства.

Еще въ 1831 г. Гоголь встрѣтился съ Жуковскимъ въ Римѣ и оба они рисовали на лету лучшіе виды этого города. Гоголя поражало проворство Жуковскаго въ этомъ дѣлѣ. „Онъ въ одну минуту рисуетъ ихъ по десяткамъ, и чрезвычайно вѣрно и хорошо“ замѣчалъ Гоголь.

Само собою разумѣется, что рисовальное искусство дается не сразу и такого рода умѣнье получается путемъ подготовительныхъ упражненій, поэтому мы старались, насколько было возможно, прослѣдить жизнь обоихъ писателей, начиная съ ихъ дѣтскихъ лѣтъ, когда были заложены зачатки знаній по искусству, выросшія потомъ въ страстную любовь ко всему прекрасному.

Начнемъ съ Н. В. Гоголя и заглянемъ въ его юную жизнь.

Отецъ Гоголя, Василій Аѳанасьевичъ, въ замѣтной степени обладалъ эстетическими наклонностями, выражавшимися въ заботахъ о садѣ и поляхъ, въ наслажденіи пѣніемъ соловья, въ выборѣ и пріобрѣтеніи разныхъ вещей для дома и въ составленіи плановъ различныхъ построекъ въ своей усадьбѣ.

Съ рѣдкой заботливостью выращивалъ онъ посаженныя имъ въ саду деревья, весной планировалъ дорожки, строилъ затѣйливой архитектуры бесѣдки, дѣлалъ аллеи давая имъ сентиментальныя названія вродѣ „долины спокойствія“ и т. п.

Сынъ усердно помогалъ отцу въ уходѣ за садомъ и работа эта была одной изъ пріятнѣйшихъ въ жизни Гоголя. Много лѣтъ спустя, въ одномъ изъ писемъ, онъ такъ вспоминаетъ объ этихъ весеннихъ занятіяхъ: „Живо помню, какъ бывало, съ лопатою въ рукѣ, глубокомысленно раздумываю надъ изломанной дорожкой... Признаюсь, какъ бы я желалъ когда-нибудь быть дома въ это время. Я и теперь такой же, какъ прежде, жаркій охотникъ въ саду...

Что касается матери Гоголя, Маріи Ивановны, то и она, несмотря на сложныя обязанности по хозяйству, вполнѣ сходилась со своимъ супругомъ въ отношеніи любви ко всему изящному, эстетическому. „Взглянувъ на М. И. и поговоривъ съ ней нѣсколько минутъ“, пишетъ С. Т. Аксаковъ, „можно было понять, что у такой женщины могъ родиться такой сынъ. Это было доброе, любящее, нѣжное существо, полное эстетическаго чувства съ легкимъ оттѣнкомъ самаго кроткаго юмора“.

М. И., обладая нѣжнымъ вкусомъ, любила покупать всевозможныя изящныя вещи, часто вовсе ей не нужныя и далеко не дешевыя. Проходящіе мимо дома Гоголей торговцы сплошь и рядомъ навязывали Марьѣ Ивановнѣ цѣлую кучу безделушекъ, отпуская даже въ долгъ, когда у хозяйки не было въ запасѣ карманныхъ денегъ. Иногда такихъ красивыхъ вещичекъ накупалось такъ много, что дочери М. И. принуждены были посылать въ догонку за продавцами и отдавать назадъ закупленное матерью.

Кромѣ хлопотъ о порядкѣ въ домѣ, М. И. съ особенной заботой и съ присущей ей художественностью относилась къ украшенію и благолѣпію церкви въ родной ей Васильевкѣ. Заказывая для этой церкви плащаницу въ Одессѣ и поручая наблюденіе за работой одному изъ своихъ родственниковъ, М. И. все же очень интересовалась ходомъ самой работы и въ одномъ изъ писемъ (отъ 26 іюня 1826 года) писала; „Плащаницу, мнѣ кажется, лучше сдѣлать по послѣднему описанію вашему, чтобы Спаситель нашъ нарисованъ былъ на гроденаплѣ, а слова бы были въ рамахъ, бархата же можно пришить и голубого — хорошаго цвѣту; впрочемъ я отдаюсь совершенно на изящный вкусъ той особы, которая будетъ трудиться надъ приведеніемъ въ порядокъ сего богоугоднаго дѣла и, вѣрно, я буду восхищена плащаницей, когда ее увижу“.

Унаслѣдовавъ любовь ко всему прекрасному отъ своихъ родителей, маленькій Гоголь особенно замѣтно проявилъ эту любовь въ школѣ, когда его двѣнадцатилѣтняго мальчика привезли изъ родного хутора и зачислили казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ. Будучи не особенно прилежнымъ ученикомъ, оказывая только лишь средніе успѣхи во всѣхъ обязательныхъ предметахъ, Гоголь интересуется искусствомъ, ждетъ не дождется разрѣшенія учиться музыкѣ и пѣнію, проситъ родителей скорѣе прислать смычокъ и скрипку, хотя вовсе не имѣетъ нужнаго для музыкальныхъ занятій слуха. Очень часто, на спѣвкахъ, учитель пѣнія Севрюгинъ долженъ былъ подносить скрипку къ самому уху Гоголя, нерѣдко обзывалъ его глухаремъ, сердился, но ровно ничего не добивался.

Изъ „Расположенія“ учебныхъ предметовъ въ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко отъ 1820 года видно, что два раза въ недѣлю, кромѣ прочихъ учебныхъ предметовъ, ученики упражнялись и въ рисованіи, для чего отводилось время по средамъ отъ 8-го до 10 часа, и отъ 10 до 12 часа по субботамъ.

На счастье Гоголя учителемъ рисованія въ гимназіи былъ на рѣдкость для того времени просвѣщенный педагогъ, человѣкъ всецѣло преданный своему искусству— К. С. Павловъ. Знакомя съ пріемами рисованія, учитель считалъ также долгомъ вводить своихъ учениковъ въ область пониманія сущности искусства, его исторіи, и для этого съ успѣхомъ пользовался имѣвшимися въ гимназіи портретами, историческими картинами и пейзажами.

Свое рисовальное умѣнье Гоголь высказывалъ всюду, гдѣ только была для этого хотя бы маленькая возможность. Издавая, напр., гимназическій журналъ, Гоголь не только самъ писалъ статьи по всѣмъ отдѣламъ, но

по цѣлымъ ночамъ разрисовывалъ и обложку изданія вычурной виньеткой съ крупной надписью „Звѣзда“.

Получивъ извѣстіе о благополучномъ выздоровленіи матери, Гоголь пишетъ ей въ іюнѣ 1825 года письмо, въ которомъ сообщаетъ о скоромъ свиданіи и добавляетъ: „Я постараюсь къ вамъ привесть нѣсколько своихъ произведеній, также хорошенькихъ картинокъ своей работы“.

Нѣсколько позже, въ 1827 г., поздравляя мать съ праздникомъ Пасхи и благодаря за присылку денегъ, Гоголь пишетъ: „Каждая копѣйка теперь имѣетъ у меня мѣсто. Я отказываю себѣ даже въ самыхъ крайнихъ нуждахъ, съ тѣмъ чтобы имѣть хотя малѣйшую возможность поддержать себя въ такомъ состояніи, въ какомъ нахожусь, чтобы имѣть возможность удовлетворить моей жаждѣ *видѣть и чувствовать прекрасное*“.

Въ записной книжкѣ Гоголя, носящей интересное названіе „Книга Всякой Всячины или Подручная Энциклопедія“ есть очень много любопытныхъ записей всевозможныхъ книгъ и статей, которыя такъ или иначе интересовали поэта-школьника. Изъ записей, относящихся къ искусству, особенно интересна вторая по порядку, именно „Архитектурные чертежи“. Это рисунки частей колоннъ различныхъ ордеровъ, нѣкоторые изъ нихъ вырѣзаны изъ какой-то книги, другіе же сведены на кальку и наклеены на листахъ записной книги.

Кромѣ упомянутой записи въ книгѣ есть еще и другія, напр., рисунки древняго греческаго вооруженія, чертежи садовыхъ скамеекъ и мостиковъ, рисунки бесѣдокъ, и два рисунка фасадовъ дома въ Васильевкѣ въ готическомъ вкусѣ, сдѣланныхъ очень искусно акварелью самимъ Гоголемъ. Любопытны также записи „Объ архитектурѣ театровъ“ и объ „Исторіи искусствъ“.

Изучая въ гимназіи фортификацію, Гоголь особенно выдавался искусствомъ черченія плановъ, необходимыхъ при прохожденіи этой науки, и въ „Дѣлѣ“ съ вѣдомостями о годичныхъ и экзаменныхъ успѣхахъ за 1828 годъ находятся и чертежи по фортификаціи учениковъ 9-го класса, въ томъ числѣ и Гоголя.

Не имѣя точныхъ указаній относительно прохожденія курса наукъ и искусствъ въ Нѣжинской гимназіи, можно съ увѣренностью предполагать, что на послѣдній родъ занятій все же удѣлялась доля вниманія и что на развитіе пониманія прекраснаго для Гоголя гимназія оказала довольно замѣтное вліяніе.

Изъ „Предложенія“ директора гимназіи Орлая, отъ 21 августа 1823 года, сдѣланнаго младшему профессору россійской словесности Никольскому, видно, что въ 6-мъ классѣ, напр., рекомендовались занятія, также и *эстетикою*, а въ „Темахъ“ для сочиненій по Россійской словесности ученикамъ 8 и 9 классовъ, встрѣчались даже и такія: „О изяществѣ и пользѣ живописи“, „Кто въ изящныхъ искусствахъ называется истиннымъ знатокомъ?“ и т, д.

По окончаніи въ 1828 году курса гимназіи Гоголь ненадолго уѣхалъ на родину и въ концѣ того же года прибылъ въ Петербургъ, куда, если судить по его письмамъ, его влекли не только служба, но и театръ и поѣздка за границу.

Еще до своего заграничнаго путешествія, гдѣ, какъ мы увидимъ, Гоголь особенно пристрастился къ искусству и постигъ все величіе истинно художественныхъ произведеній, у молодого писателя встрѣчается стихотвореніе, навѣянное, какъ видно, книжнымъ знакомствомъ съ исторіей искусствъ. Говоря объ упадкѣ классическаго міра, о древней Греціи, Гоголь пишетъ:

„Печальны древности Аѳинъ.
Колоннъ, статуй рядъ обвѣтшалый,
Среди глухихъ стоитъ равнинъ.
Печаленъ слѣдъ вѣковъ усталыхъ:

Изящный памятникъ разбитъ;
Изломленъ немощный гранитъ;
Одни обломки уцѣлѣли.
Еще донынѣ величавъ
Чернѣетъ дряхлый архитравъ
И вьется плющъ по капители;
Упалъ расщепленный карнизъ
Въ давно заглохшіе окопы.
Еще блеститъ сей дивный фризъ,
Сіи рельефные метопы:
Еще донынѣ здѣсь груститъ
Коринескій ордеръ многолѣтній;
Рой ящерицъ по немъ скользитъ...“

Попавъ въ слѣдующемъ 1829 году за границу. Гоголь изливаетъ свой восторгъ по поводу видѣннаго тамъ въ письмѣ къ матери, гдѣ говоритъ, что все встрѣтившееся ему его одинаково поражаетъ. Описывая въ подробностяхъ Любекъ. гдѣ онъ останавливался, Гоголь набрасываетъ перомъ видъ улицы этого города изъ окна своей квартиры и отсылаетъ рисунокъ вмѣстѣ съ письмомъ къ матери. Въ расположенномъ недалеко отъ Любека маленькомъ городкѣ Травемундѣ Гоголя заинтересовываетъ прежде всего готическій соборъ съ живописью Альбрехта Дюрера. „Живопись внутри удивительная“, пишетъ онъ, „много есть такихъ картинъ, которымъ около 700 лѣтъ, но нѣкоторыя все еще плѣняютъ необыкновенною свѣжестью красокъ и осѣнены печатью необыкновеннаго искусства“.

Въ 1830 году, живя въ Петербургѣ, Гоголь. помимо своихъ обычныхъ занятій по должности профессора университета и преподавателя въ Институтѣ, посѣщаетъ также Императорскую Академію Художествъ, гдѣ работаетъ въ вечернихъ классахъ и заводитъ знакомство со многими художниками.

Въ одномъ изъ писемъ онъ такъ описываетъ свои занятія въ Академіи. „Послѣ обѣда въ 5 часовъ отправляюсь я въ классъ Академіи Художествъ, гдѣ занимаюсь живописью, которую я никакъ не въ состояніи оставить тѣмъ болѣе, что здѣсь есть всѣ средства совершенствоваться въ ней, и всѣ они, кромѣ

труда и старанія, ничего не требуютъ. По знакомству своему съ художниками, и со многими даже знаменитыми, я имѣю возможность пользоваться средствами и выгодами, для многихъ недоступными. Не говоря уже о талантѣ, я не могу не восхищаться ихъ характеромъ и обращеніемъ. Что это за люди! Узнавши ихъ, нельзя отвязаться отъ нихъ на вѣки... Какая скромность при величайшемъ талантѣ!—Въ классѣ, который посѣщаю я три раза въ недѣлю, просиживаю два часа“...

Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, Гоголь нѣсколько разочаровался въ художникахъ; онъ гораздо сдержаннѣе сталъ относится ко многимъ изъ нихъ и дружилъ только съ нѣкоторыми, особенно привязанными къ нему людьми.

Да и самый міръ русскихъ художниковъ того времени далекъ былъ отъ идеала. Искусство вообще было чуждо русскому обществу тридцатыхъ годовъ. Представители искусства, художники, не шли дальше подражанія иностраннымъ прославленнымъ мастерамъ. Академическая рутина поглотила жизненную правду, всякое проявленіе самостоятельности въ искусствѣ считалось преступленіемъ, грѣхомъ, совершить который было очень и очень опасно.

Самъ Гоголь, этотъ яркій представитель реализма, въ статьѣ „Скульптура, живопись и музыка“, начатой имъ въ 1831 году, въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ, такъ говоритъ про живопись: „Ты не была выраженіемъ жизни какой нибудь націи, — нѣтъ, ты была выше: ты была выраженіемъ всего того, что имѣетъ таинственно-великій міръ христіанскій“.

Говоря такъ, Гоголь, очевидно, подразумѣвалъ здѣсь только итальянскую религіозную живопись, какъ высшее ея проявленіе, и совсѣмъ упускалъ изъ виду, что русскій художникъ, долженъ въ своемъ произве-

деніи стараться отыскать характерныя національныя черты, отличающія наше русское міровоззрѣніе отъ западнаго—общеевропейскаго.

Немного позже, въ статьѣ „Послѣдній день Помпеи“, Гоголь, разбирая извѣстную картину Брюллова, нѣсколько приближается къ реалистическимъ воззрѣніямъ на задачи живописи и говоритъ, что въ картинѣ „выказывается отсутствіе идеальности т. е. идеальности отвлеченной, и въ этомъ-то состоитъ ея первое достоинство. Явись идеальность, явись перевѣсъ мысли и она бы имѣла совершенно другое выраженіе, она бы не произвела того впечатлѣнія“.

А что впечатлѣніе, произведенное этой картиной на Гоголя было огромное, это можно судить по тому восторженному тону, которымъ проникнута вся статья. Гоголь называлъ картину „свѣтлымъ воскресеніемъ живописи, пребывавшей долгое время въ какомъ-то полулетаргическомъ состояніи“. Онъ даже ставилъ это произведеніе чуть-ли не выше созданій Микель-Анджело и Рафаэля, признавалъ картину міровымъ явленіемъ, находя геніальную многосторонность въ талантѣ автора этой картины.

Надо думать, однако, что, говоря такъ, Гоголь отдавалъ лишь дань своему времени, такъ какъ въ картинѣ Брюллова, при всѣхъ его выдающихся достоинствахъ, при его манерѣ живописи, при пріемахъ его творчества, совсѣмъ не замѣтно русскаго національнаго оттѣнка, картина его была и есть чисто европейское произведеніе, отдающее при этомъ итальянскимъ пошибомъ, со всѣми преимуществами и недостатками этого рода живописи.

Доказательствомъ временнаго увлеченія Брюлловской манерой письма можетъ служить и то обстоятельство, что нѣсколько лѣтъ спустя, какъ это будетъ видно, Гоголь восхищался извѣстной картиной Иванова

„Явленіе Христа народу“—произведеніемъ чуть-ли не діаметрально противоположнымъ по всему—Брюлловской картинѣ.

Находясь въ то время подъ вліяніемъ всесвѣтныхъ авторитетовъ, Гоголь, понятно, только съ ихъ точки зрѣнія и глядѣлъ на задачи живописи. Нѣсколько позже, именно въ 1834 году, въ своей извѣстной повѣсти „Портретъ“ и отчасти въ „Невскомъ проспектѣ“, Гоголь рисуетъ намъ въ лицѣ Чарткова и Пискарева, типы художниковъ во всей ихъ реальной дѣйствительности, неподражаемо передавая живыя типическія свойства русскихъ художниковъ того времени.

Въ образѣ Пискарева (въ повѣсти „Невскій проспектъ“) представленъ мечтательный идеалистъ-художникъ, совсѣмъ незнакомый съ реальными сторонами жизни, человѣкъ очень скромный и застѣнчивый. Находясь постоянно въ созерцательномъ настроеніи, живя въ мірѣ иллюзій, искренно любя свое искусство, Пискаревъ не хочетъ замѣчать вокругъ себя грубой дѣйствительности и при первомъ столкновеніи съ нею опускаетъ руки и разстается съ жизнью.

Совсѣмъ иного склада человѣкомъ является художникъ Чартковъ, въ Гоголевской повѣсти „Портретъ“. Вначалѣ бѣднякъ, скромный труженикъ, съ годами, по мѣрѣ успѣховъ, Чартковъ превращается въ моднаго трафаретнаго портретиста, крайне зазнавшагося и надменнаго.

Съ поразительной, свойственной одному Гоголю наблюдательностью, передается въ повѣсти не только эволюція самого героя, но въ изумительной характеристикѣ очерчиваются и соприкасающіяся съ Чартковымъ лица съ ихъ взглядами на живопись, съ ихъ требованіями отъ художниковъ, какъ представителей искусства.

Вспомните хоти бы такую сцену: на другой день послѣ сообщенія о художникѣ въ газетахъ, къ нему

явилась дама съ своей дочерью для заказа съ послѣдней портрета.

— Вы были въ Италіи?—сказала дама, наводя на него лорнетъ, не находя ничего другого, на что бы можно было навести его,

— Нѣтъ, я не былъ, но хотѣлъ быть... Впрочемъ, теперь покамѣстъ я отложилъ... Вотъ кресла-съ: вы устали?..

— Благодарю, я сидѣла долго въ каретѣ. А, вотъ, наконецъ, вижу вашу работу!—сказала дама. побѣжавъ къ супротивной стѣнѣ и наводя лорнетъ на стоявшіе на полу, его этюды, программы, перспективы, и портреты.—C'est charmant, Lise! Lise, venez isi. Комната во вкусѣ Теньера. Видишь? безпорядокъ, безпорядокъ, столъ, на немъ бюстъ, рука, палитра; вонъ пыль... видишь, какъ пыль нарисована, C'est charmant! А вонъ на другомъ холстѣ женщина, моющая лицо— quelle jolie figure! Ахъ мужичокъ! Lise! Lise! мужичокъ въ русской рубашкѣ! смотри мужичокъ! Такъ вы занимаетесь не одними только портретами? и т. д.

Затѣмъ наступило время самаго сеанса. Мать непремѣнно желала усадить дочь сама и требовала, чтобы на портретѣ ея Lise, позирующая въ богатомъ костюмѣ, „была бы одѣта просто и сидѣла въ тѣни зелени, въ виду какихъ-нибудь полей, чтобы стада вдали, или роща... Чтобы незамѣтно было, что она ѣдетъ куда нибудь на балъ или модный вечеръ. Наши балы, признаюсь, такъ убиваютъ душу, такъ умерщвляютъ остатки чувствъ“...

„Простоты, понимаете, чтобы было больше“. Увы!, добавляетъ Гоголь, „на лицахъ и матушки и дочери написано было, что онѣ до того исплясались на балахъ, что обѣ сдѣлались чуть не восковыми“.

Уступая и уступая въ дальнѣйшихъ требованіяхъ любвеобильной матушки, соглашаясь даже съ указаніями относительно желательнаго колорита лица пози-

ровавшей дочки, Чартковъ, въ концѣ концовъ, не выдержалъ и довольно просто разрѣшилъ свою задачу, взявши брошенный имъ этюдъ Психеи и выдавши къ общему удовольствію дамъ этотъ этюдъ за заказанный ими портретъ.

Послѣ этого перваго шага къ паденію для моло дого художника уже не было возврата. Гоголь пишетъ: „Сначала художника бросали въ потъ такія требованья: все это нужно было сообразить, обдумать, а между тѣмъ сроку давалось очень немного. Наконецъ, онъ добрался, въ чемъ было дѣло, и ужъ не затруднялся нисколько. Даже изъ двухъ, — трехъ словъ смекалъ впередъ, кто чѣмъ хотѣлъ изобразить себя. Кто хотѣлъ Марса, онъ ему въ лицо совалъ Марса; кто мѣтилъ въ Байроны, онъ давалъ ему байроновское положенье и поворотъ. Коринной ли, Ундиной, Аспазіей ли желали быть дамы, онъ съ большой охотой соглашался на все и прибавлялъ отъ себя уже всякому вдоволь благообразія, которое, какъ извѣстно, нигдѣ не подгадитъ, и за что простятъ иногда художнику и самое несходство. Скоро онъ уже самъ началъ дивиться чудной быстротѣ и бойкости своей кисти. А писавшіеся, само собою разумѣется были въ восторгѣ и провозглашали его геніемъ“.

Въ своей повѣсти Гоголь съ большой подробностью излагаетъ весь ходъ борьбы художественнаго призванія Чарткова съ зародившимся у него инстинктами къ скоропреходящимъ прелестямъ жизни. Давая въ Чартковѣ отрицательный типъ, Гоголь, въ концѣ концовъ, выводитъ заключеніе, что талантъ,—этотъ высочайшій даръ Божій, не можетъ быть побѣжденъ никакими земными удовольствіями и пороками. Словами Чарткова, Гоголь говоритъ, что какъ бы ни было удачно воспроизведеніе натуры, оно до тѣхъ поръ не станетъ на должную высоту, не будетъ вполнѣ художественное произведеніе, пока не будетъ одухотворено нравственной лю-

бовью, пока художникъ не вложитъ въ него свою душу и вѣру въ свои идеалы.

Послѣ постановки въ 1836 г. „Ревизора“, къ которому самимъ авторомъ было нарисовано нѣсколько прекрасныхъ иллюстрацій, Гоголь вскорѣ уѣзжаетъ за границу въ Италію и съ этого времени въ жизни нашего писателя наступаетъ новая эра. Гоголь забываетъ о всѣхъ испытанныхъ имъ ранѣе треволненіяхъ и съ жаромъ отдается наслажденію природой Рима и произведеніями искусствъ, находящимися въ этомъ городѣ.

Замѣчавшаяся раньше въ немъ страсть къ живописи и архитектурѣ еще болѣе усилилась во время путешествій, и Гоголь съ дороги пишетъ матери въ Васильевку: „Прошу васъ приказать вымѣрять длину, ширину, высоту дома, и каждой комнаты порознь или, лучше,—приказать кому либо знающему написать планъ и фасадъ въ нынѣшнемъ его состояніи съ масштабомъ. Я нашелъ способъ расположить его чрезвычайно удобно при самой небольшой передѣлкѣ, на маперъ нѣкоторыхъ домовъ видѣнныхъ мною въ Германіи“. Вскорѣ, въ другомъ письмѣ, онъ, между прочимъ, опять говоритъ: „Я хотѣлъ—было сначала дать дому фасадъ совершенно въ новомъ вкусѣ на манеръ видѣнныхъ мною въ образованной Европѣ“.

Въ 1837 г. едва успѣвшій пріѣхать въ Римъ Гоголь пишетъ матери: „Я успѣлъ только осмотрѣть часть древностей и развалины которыхъ на каждомъ шагу много, и часто такъ случается, что въ новый домъ вдѣлана часть развалины, кусокъ стѣны, или колонна, или рельефъ. Я не смотрѣлъ еще ни картинныхъ галлерей, ни множества разныхъ дворцовъ, гдѣ смотрѣть станетъ на цѣлый годъ. Вся земля пахнетъ и дышитъ художниками и картинами“.

Въ письмѣ къ Плетневу Гоголь пишетъ: „Что за земля Италія! Все прекрасно подъ этимъ небомъ; что ни развалина, то и картина; на человѣкѣ какой-то

сверкающій колоритъ; строеніе деревъ, дѣло природы, дѣло искусства—все кажется, дышитъ и говоритъ подъ этимъ небомъ. Когда вамъ все измѣнитъ, когда вамъ больше ничего не останется такого, чтобы привязывало васъ къ какому нибудь уголку міра, пріѣзжайте въ Италію. Нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ; цѣлой верстой здѣсь человѣкъ ближе къ Богу".

Анненковъ, жившій вмѣстѣ съ Гоголемъ въ Римѣ, разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ", что они оба очень прилежно осматривали памятники, музеи, картинныя галереи, „гдѣ Гоголь почти всегда погружался въ нѣмое созерцаніе, рѣдко прерываемое отрывистымъ замѣчаніемъ. Только по прошествіи нѣкотораго времени развязывался у него языкъ и можно было услыхать его сужденіе о видѣнныхъ предметахъ. Всего замѣчательнѣе, что скульптурныя произведенія древнихъ тогда еще производили на него сильное впечатлѣніе". Онъ говорилъ про нихъ: „то была религія, иначе нельзя бы и проникнуться такимъ чувствомъ красоты".

Анненковъ разсказываетъ также, что онъ не разъ видалъ, какъ Гоголь по полусуткамъ, лежа на аркадѣ стариннаго римскаго водопровода, смотрѣлъ въ голубое небо или на мертвую и великолѣпную римскую Кампанью; иногда онъ цѣлые часы проводилъ среди густой растительности, гдѣ нибудь въ чащѣ, и оттуда устремлялъ „зоркіе, недвижимые глаза въ темную зелень, купами сбѣгавшую по скаламъ".

Живя въ Римѣ, Гоголь скоро познакомился съ находившимися тамъ художниками, пенсіонерами Императорской Академіи Художествъ.

Въ то время тамъ были: знаменитый историческій живописецъ, Ивановъ, извѣстный граверъ Іорданъ, Моллеръ, скульпторы Рамазановъ и Ставассеръ, товарищъ Гоголя по Нѣжинской гимназіи Мокрицкій, Бейне, Рихтеръ, Шаповаловъ, Глѣбовъ, Орловъ, Лавеццари, Монигетти и нѣкоторые другіе.

Надо, однако, сказать, что Гоголь не одинаково близокъ былъ ко всему кружку этихъ лицъ. Восхищавшійся когда-то художниками въ Петербургѣ, Гоголь хорошо постигалъ недостатки ихъ умственнаго развитія, крайнее равнодушіе къ избранной ими профессіи при удивительной вмѣстѣ съ тѣмъ невѣжественной заносчивости. Нѣкоторые изъ жившихъ тамъ пенсіонеровъ имѣли смѣлость претендовать еще на литературные интересы и апломбомъ сужденій окончательно выводили Гоголя изъ терпѣнія. „Ты можешъ судить" — пишетъ онъ своему нѣжинскому пріятелю Данилевскому—„каковы сужденія литературныхъ людей, окончившихъ свое воспитаніе въ Академіи Художествъ и слушавшихъ Плаксина" *).

Въ письмѣ къ тому же Данилевскому отъ 13 мая 1838 г. Гоголь такъ описываетъ времяпровожденіе русскихъ художниковъ въ Римѣ: „Что дѣлаютъ русскіе „питторы", ты знаешь самъ: къ 12 и 2 часамъ къ Лепре, потомъ кафе-грекъ, потомъ на Монте-Пинчіо, потомъ къ bon gout, потомъ опять къ Лепре, потомъ на бильярдъ. Зимою заводились было русскіе чаи и карты, но, къ счастію, то и другое прекратилось".

Въ поясненіе слѣдуетъ сказать, что „Лепре" это излюбленный въ то время русскими ресторанъ, а „кафе-грекъ" знаменитая кофейная, основанная еще въ 1760 году. Кофейня эта въ своемъ родѣ историческая, посѣщавшаяся такими лицами, какъ Байронъ, Гете, Мицкевичъ, Теккерей, Канова, Торвальдсенъ, Гуно, Мендельсонъ и другіе. На стѣнахъ этого кафе красуются портреты многихъ посѣщавшихъ ее знаменитыхъ художниковъ, а также и портретъ Гоголя, недавно сдѣланный нашимъ художникомъ Свѣдомскимъ.

Тѣснѣе всего Гоголь сошелся съ болѣе молодыми

*) Плаксинъ—препод. исторіи въ Акад. Художествъ.

художниками, именно съ Ивановымъ, Іорданомъ, Моллеромъ, Рихтеромъ и Шаповаловымъ.

„Во время моего пребыванія въ Римѣ, туда пріѣхала наша знаменитость Николай Васильевичъ Гоголь", пишетъ Іорданъ въ своихъ „Запискахъ", „люди, знавшіе его и читавшіе его сочиненія, были внѣ себя отъ восторга, и искали случая увидать его за обѣдомъ или за ужиномъ, но его несообщительная натура и неразговорчивость помаленьку охладили этотъ восторгъ. Только мы трое: Александръ Андреевичъ Ивановъ, Ѳедоръ Антоновичъ Моллеръ и я остались вечерними посѣтителями Гоголя. Гоголь сидѣлъ обыкновенно опершись руками о колѣни, зачастую имѣя передъ собою какія нибудь мелкія покупки; онѣ развлекали его".

Моллеръ приходилъ къ Гоголю писать съ него портретъ и сеансы эти часто лишали Гоголя удовольствія принимать участіе въ компанейскихъ прогулкахъ, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ.

Портретъ работы Моллера считался и считается лучшимъ сравнительно съ другими, но Анненковъ утверждаетъ, что саркастическая улыбка на лицѣ Гоголя искусственна и никогда не составляла главной принадлежности лица оригинала. Самъ Гоголь, показывая Анненкову портретъ, говорилъ: „писать съ меня весьма трудно: у меня по днямъ бываютъ различныя лица да иногда и на одномъ днѣ нѣсколько совершенно различныхъ выраженій".

Съ портрета Моллера Іорданомъ была сдѣлана гравюра и Гоголь, сильно симпатизировавшій граверу, очень заботился о распространеніи его труда въ обществѣ. Въ своемъ завѣщаніи, написанномъ въ 1845 году, Гоголь такъ говоритъ объ Іорданѣ и о своемъ портретѣ: „Художникъ этотъ уже нѣсколько лѣтъ трудится въ Римѣ надъ гравированіемъ безсмертной картины Рафаэля: Преображеніе Господне. Онъ всѣмъ пожертвовалъ для труда своего, — труда убійственнаго,

пожирающаго и годы и здоровье, и съ такимъ совершенствомъ исполнилъ свое дѣло, подходящее нынѣ къ концу, съ какимъ не исполнялъ еще ни одинъ изъ граверовъ. Но по причинѣ высокой цѣны и малаго числа знатоковъ, эстампъ его не можетъ разойтись въ такомъ количествѣ, чтобы вознаградить его за все; мой портретъ ему помогъ бы"...

Говоря далѣе о томъ, что въ продажѣ появились портреты его, имѣющіе мало съ нимъ сходства Гоголь прибавляетъ: „прошу покупать только тотъ, на которомъ будетъ выставлено: Гравировалъ Іордановъ. Симъ будетъ сдѣлано, по крайней мѣрѣ, справедливое дѣло. А еще будетъ справедливѣе, если тѣ, которые имѣютъ достатокъ, станутъ, вмѣсто портрета моего, покупать самый эстампъ Преображенія Господня, который, по признанію даже чужеземцевъ, есть вѣнецъ гравировальнаго дѣла и составляетъ славу русскую".

Особенную дружбу питалъ Гоголь къ знаменитому историческому живописцу А. А. Иванову и этотъ послѣдній, въ свою очередь, отплачивалъ тѣмъ же Гоголю. „Это человѣкъ необыкновенный" писалъ Ивановъ своему отцу, тоже художнику,—„имѣющій высокій умъ и вѣрный взглядъ на искусство".

Гоголь не могъ вдоволь налюбоваться картиной Иванова „Явленіе Христа народу" и признавалъ ее откровеніемъ въ развитіи новаго искусства. Въ извѣстной „Перепискѣ съ друзьями", въ статьѣ „Историческій живописецъ Ивановъ", Гоголь писалъ Вьельгорскому: „Будетъ окончена картина—бѣднѣйшій дворъ въ Европѣ заплатитъ за нее охотно тѣ деньги, какія теперь платятъ за вновь находимыя картины великихъ мастеровъ. Такимъ картинамъ не бываетъ цѣны меньше ста или двухсотъ тысячъ"...

Отношенія Иванова къ Гоголю были особенно тѣсны въ періодъ перваго знакомства; въ это время Ивановъ сдѣлалъ два прекрасныхъ портрета Н. В. и

подарилъ первый изъ нихъ Жуковскому, а другой Погодину.

Въ послѣднiй разъ просилъ Гоголь за Иванова въ письмѣ къ графинѣ Соллогубъ въ 1847 г., гдѣ говорилъ, чтобъ она похлопотала черезъ Вiельегорскаго объ измѣненiи срока присылки картины Иванова въ Петербургъ.

Вскорѣ послѣ этого времени Гоголь захворалъ и на этомъ пресѣклись отношенiя его къ художникамъ. Мы не могли въ дальнѣйшей жизни Гоголя отыскать также и слѣдовъ въ отношенiяхъ его и къ искусству „по причинѣ, конечно, того, что на закатѣ жизни писателя интересовали почти только одни вопросы религiознаго характера“.

Перейдемъ къ другому чествуемому поэту В. А. Жуковскому и постараемся прослѣдить его жизнь и дѣятельность въ той же послѣдовательности, какъ мы сдѣлали съ Гоголемъ.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ Жуковскiй обнаруживалъ большую склонность къ рисованiю. Вмѣсто того, чтобы заучивать буквы, будущiй поэтъ не только изрисовывалъ всю свою грифельную доску, но исчерчивалъ разными фигурами и „рожами“ полы и стѣны въ комнатахъ.

По поступленiи въ 1797 году въ „Благородный университетскiй пансiонъ“ занятiя Жуковскаго рисовальнымъ искусствомъ не только не прекратились, а, наоборотъ, еще болѣе усилились и систематизировались.

Инспекторъ пансiона Прокоповичъ—Антонскiй, какъ просвѣщенный педагогъ, хорошо зналъ пользу занятiй искусствами въ дѣлѣ воспитанiя и образованiя и въ одной изъ своихъ рѣчей, между прочимъ, говорилъ: „Сколько науки вообще въ воспитанiи необходимы къ изощренiю ума и укрѣпленiю разсудка, столько изящныя искусства нужны къ успокоенiю его и облегченiю“.

Въ числѣ 36-ти учебныхъ предметовъ, преподававшихся въ Благородномъ пансіонѣ, были также— „архитектура“ и „рисованіе карандашемъ, тушью и сухими красками“; Мы не имѣемъ свѣдѣній, какъ преподавались тамъ эти предметы, но можно безошибочно предположить, что, по обычаю того времени, занятія эти были не обязательны и рисованію учились только тѣ, кто чувствовалъ къ этому наибольшую склонность. Уроки эти назывались упражненіемъ въ „пріятныхъ искусствахъ“ и по тогдашнимъ „Правиламъ“ одного изъ учебныхъ заведеній они и не должны были имѣть другого вида, кромѣ „забавы и отдохновенія“ *).

Жуковскій черезъ годъ по поступленіи въ пансіонъ былъ уже признанъ „лучшимъ въ ученіи и поведеніи“, и на торжественномъ актѣ было объявлено, что чертежи по архитектурѣ Аѳанасія Офросимова и картины Василія Жуковскаго остаются навсегда въ пансіонной залѣ.

По окончаніи курса, молодой поэтъ, несмотря на обширныя занятія, постоянно находитъ время отдаваться любимому искусству и много рисуетъ, по обычаю того времени, въ альбомахъ своихъ знакомыхъ.

Сдѣлавшись въ 1808 году редакторомъ журнала „Вѣстникъ Европы“, Жуковскій первый сталъ украшать свое изданіе статьями по исторіи изящныхъ искусствъ съ приложеніемъ гравюръ знаменитыхъ произведеній разныхъ художниковъ.

Живя въ 1815 году въ Дерптѣ, Жуковскій подружился съ профессоромъ живописи Зенфомъ, который и передалъ ему свою манеру изображать предметы въ однихъ очертаніяхъ (au trait), а потомъ, надо думать, онъ же познакомилъ его съ пріемами гравированія крѣпкой водкой.

---

*) § 67 „Правилъ“ Царскосельскаго лицея.

При первомъ своемъ заграничномъ путешествіи, объѣздивъ часть Германіи и Швейцаріи, поэтъ нашъ спѣшитъ знакомиться съ памятниками искусствъ, причемъ многіе изъ нихъ зарисовываетъ въ свой дорожный альбомъ.

Въ Дрезденѣ онъ сближается съ поэтомъ-живописцемъ Фридрихомъ и увлекается какъ имъ самимъ, такъ и его произведеніями. Въ одномъ изъ писемъ отъ 1821 г. Жуковскій очень подробно описываетъ наружность художника, говоритъ о направленіи, котораго придерживается онъ въ своихъ картинахъ, восхищается мѣткостью сужденій Фридриха при совмѣстномъ съ нимъ посѣщеніи картинныхъ галлерей и, въ концѣ концовъ, предлагаетъ Фридриху уѣхать вмѣстѣ съ нимъ изъ Дрездена.

„Фридрихъ мнѣ такъ понравился“, пишетъ Жуковскій, „и такъ показался мнѣ сродни, что я предложилъ было ему ѣхать со мною: моихъ денегъ было бы довольно для этого; но онъ отказался, и еще болѣе понравился мнѣ своимъ отказомъ.

„Вы хотите имѣть меня съ собою“, отвѣчалъ онъ, „но тотъ я, который вамъ нравится, съ вами не будетъ. Мнѣ надобно быть совершенно одному и знать что я одинъ, чтобы видѣть и чувствовать природу вполнѣ! Ничто не должно быть между ею и мною; я долженъ отдаться тому, что меня окружаетъ, долженъ слиться съ моими облаками и утесами, чтобы быть тѣмъ, что я есмь! Будь со мною самый ближайшій другъ мой: онъ меня уничтожитъ! И бывши съ вами, я не буду годиться ни для себя, ни для васъ“.

При рѣдкой добротѣ души Жуковскій такъ и жаждалъ оказывать кому-либо содѣйствіе. Красной нитью проходятъ чрезъ всю его долгую жизнь благодѣянія, сдѣланныя имъ многимъ изъ художниковъ, да это и не могло бы быть иначе, такъ какъ прежде всего самъ Жуковскій былъ истиннымъ художникомъ

Описывая осмотрѣнный имъ знаменитый дрезденскій Zwinger Жуковскій говоритъ: „Я подходилъ къ этой галлереѣ съ волненіемъ ожиданія; мнѣ весело было передъ нею остановиться и сказать себѣ, что между мною и лучшимъ созданіемъ Рафаэлева генія одна только стѣна, что разстояніе и препятствія исчезли, и что я чрезъ минуту увижу то, о чемъ такъ часто говорило одно воображеніе".

Большое впечатлѣніе произвели на него картины Гвидо Рени, Леонардо-да-Винчи и Дольчи, что касается Тиціана, то картина его (Венера), при всемъ совершенствѣ живописи, показалась ему „холодна какъ ледъ".

Жуковскій былъ въ галлереѣ шесть разъ, но все-таки, говоритъ онъ, не могъ порядочно ознакомиться съ ея сокровищами. Особенно досадовалъ онъ на то, что ему мѣшали хорошенько разсмотрѣть знаменитую Сикстинскую Мадонну Рафаэля.

То копировщикъ - художникъ заслонялъ дивное полотно своей пудреной головой, то чичероне болталъ какъ попугай всякій вздоръ слушающимъ его посѣтителямъ, то, наконецъ, встрѣтившаяся Жуковскому знакомая дама нашептывала ему на ухо, что она передъ Мадонною видѣла Наполеона, и что ея дочери похожи на Рафаэлевыхъ Ангеловъ.

Наконецъ, Жуковскому удалось выбрать моментъ для осмотра, онъ пришелъ пораньше въ галлерею и провелъ цѣлый часъ передъ картиной Рафаэля.

Свои впечатлѣнія онъ такъ описываетъ въ извѣстномъ всѣмъ отрывкѣ изъ письма, подъ заглавіемъ „Рафаэлева Мадонна".

„Часъ, который провелъ я передъ этою Мадонною, принадлежитъ къ счастливымъ часамъ моей жизни, если счастіемъ должно почитать наслажденіе собою. Я былъ одинъ; вокругъ меня все было тихо; сперва съ нѣкоторымъ усиліемъ вошелъ въ самого себя; потомъ ясно началъ чувствовать, что душа распространяется; какое-

то трогательное чувство величія въ нее входило; неизобразимое было для нея изображено, и она была тамъ, гдѣ только въ лучшія минуты жизни быть можетъ".

„*Геній чистой красоты* былъ съ нею".

„Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытія слетаетъ къ намъ,
И приноситъ откровенья,
Благодатныя сердцамъ.
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Намъ туда сквозь покрывало
Онъ даетъ взглянуть порой;
А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви, у насъ въ виду,
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду".

„Не понимаю", продолжаетъ Жуковскій, „какъ могла ограниченная живопись произвести необъятное; предъ глазами полотно, на немъ лица, обведенныя чертами, и все стѣснено въ маломъ пространствѣ, и не смотря на то, все необъятно, все неограничено"!

„И точно приходитъ на мысль, что эта картина родилась въ минуту чуда: занавѣсъ раздернулся, итайна неба открылась глазамъ человѣка. Все происходитъ на небѣ: оно кажется пустымъ и какъ будто туманнымъ, но это не пустота и не туманъ, а какой-то тихій, неестественный свѣтъ, полный Ангелами, которыхъ присутствіе болѣе чувствуешь, нежели замѣчаешь".

Затѣмъ Жуковскій продолжаетъ: „онъ (Рафаэль) писалъ не для глазъ, все обнимающихъ во мгновеніе и на мгновеніе, но для души, которая чѣмъ болѣе ищетъ, тѣмъ болѣе находитъ".

„Въ Богоматери, идущей по небесамъ, непримѣтно никакого движенія; но чѣмъ болѣе смотришь на нее, тѣмъ болѣе кажется, что Она приближается. На лицѣ Ея ничто не выражено, то-есть, на немъ нѣтъ выраженія *понятнаго*, имѣющаго *опредѣленное имя;* но въ немъ находишь, въ какомъ-то таинственномъ соединеніи, все: спокойствіе, чистоту, величіе и даже чувство,

но чувство, уже перешедшее за границу земного, слѣдовательно—мирное, постоянное, не могущее уже возмутить ясности душевной... „Тѣ, передъ которыми совершается это видѣніе“, продолжаетъ Жуковскій, „св. Сикстъ и мученица Варвара, стоятъ также на небесахъ: на землѣ этого не увидишь. Старикъ не въ восторгѣ: онъ полонъ обожанія мирнаго и счастливаго, какъ святость; св. Варвара очаровательна своею красотою: величіе того явленія, котораго она свидѣтель, дала и ея стану какое-то разительное величіе: но красота лица ея человѣческая, именно потому, что на немъ уже есть выраженіе *понятное;* она въ глубокомъ *размышленіи;* она глядитъ на одного изъ Ангеловъ, съ которымъ, какъ будто, дѣлится таинствомъ мысли“...

Мы нарочно привели эти выдержки изъ превосходнаго описанія Жуковскимъ картины Рафаэля, такъ какъ тутъ всего яснѣе сказалось пониманіе Жуковскимъ искусства. Онъ говоритъ, что наслажденіе, получаемое отъ созерцанія совершеннѣйшаго произведенія искусства, есть наслажденіе самимъ собою, конечно постольку, поскольку человѣкъ есть часть безконечнаго. Поэтъ приходитъ къ очень любопытному выводу. По его мнѣнію Мадонна, такъ дивно выражающая высоту душевнаго состоянія, вызываетъ такое же чувство и въ фигурахъ ее окружающихъ и тѣ, въ свою очередь, передаютъ его зрителю картины, но этого все-таки не могло бы быть, если бъ создавшій картину художникъ, не испытывалъ точно такого же душевнаго состоянія. Получается то, что при созданіи высокаго произведенія искусства должно быть полное единеніе душевнаго состоянія, какъ художника съ его созданіемъ, такъ и зрителя.

Вернувшись въ Россію въ началѣ 1822 года, Жуковскій вскорѣ былъ назначенъ наставникомъ къ великому князю Александру Николаевичу, будущему Царю-Освободителю. Съ жаромъ принялся поэтъ за подготовленіе себя къ трудной и отвѣтственной обязанности и мы зна-

емъ, что ему, этому „избраннику небесъ“ пришлось въ полной мѣрѣ оправдать возложенную на него задачу, и педагогическая дѣятельность Жуковскаго также всегда будетъ незабвенной заслугой его передъ отечествомъ.

Уѣхавъ въ маѣ 1826 г. по болѣзни за-границу, Жуковскій все время проводитъ тамъ въ подготовкѣ къ должности великокняжескаго наставника, вырабатывая подробные планы и программы будущихъ своихъ уроковъ. Справедливо полагая, что для общаго развитія необходимо не только изученіе наукъ, но и искусствъ, Жуковскій заботится о пріобрѣтеніи за-границей необходимыхъ для этого пособій, такъ какъ, по его словамъ, петербургскіе магазины снабжены этимъ товаромъ довольно скудно.

Въ письмѣ къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, отъ 2 (14) октября 1826 года изъ Дрездена Жуковскій, между прочимъ, проситъ разрѣшить купить ему гравюры и карты „положительно неизбѣжныя для того, чтобы запечатлѣть въ умѣ Августѣйшаго ученика все то, что будетъ Имъ выучено или прочтено“.

Излагая далѣе вполнѣ вѣрный взглядъ, что такого рода наглядными пособіями надо пользоваться только въ то время, когда они нужны, иначе постоянное нахожденіе ихъ въ классѣ сдѣлаетъ ихъ мало интересными для ученика, Жуковскій въ концѣ письма прибавляетъ просьбу объ одномъ бѣдномъ художникѣ.

„Вторая моя просьба, пишетъ Жуковскій, касается моего товарища живописца Клары. Вопросъ въ томъ, чтобы довершить благодѣяніе, которое Его Величество ему оказалъ, дозволивъ сопровождать меня. Клара одаренъ истиннымъ талантомъ въ живописи; онъ можетъ сдѣлаться отличнымъ художникомъ. До сихъ поръ онъ былъ лишенъ всѣхъ средствъ къ совершенствованію; онъ никогда не изучалъ природы, а только отгадывалъ ее. Императоръ Александръ возымѣлъ мысль опредѣлить его граверомъ въ Эрмитажъ. Оставаясь въ Петербургѣ,

онъ никогда не увидитъ тѣхъ прелестныхъ видовъ, которые онъ встрѣчаетъ здѣсь на каждомъ шагу; онъ заглохнетъ въ своей рутинѣ, и его замѣчательный талантъ никогда не достигнетъ своего развитія".

Сообщая затѣмъ, что Кларѣ хотѣлось бы пробыть за границей съ сохраненіемъ содержанія по крайней мѣрѣ 3 года, Жуковскій добавляетъ: „присовокупляю здѣсь, что онъ совершенно бѣденъ и долженъ содержать престарѣлую мать, что было весьма для него трудно, потому что талантъ доставлялъ ему до сихъ поръ очень скудныя средства".

Въ письмахъ къ Императрицѣ отъ 1827 года Жуковскій повторяетъ свою просьбу о Кларѣ и посылаетъ докладную записку Государю. „Умоляю Ваше Величество представить записку Государю Императору. Милость, которую дерзаю просить для этого отличнаго художника, рѣшила бы судьбу всей его жизни".

Живя за границей, Жуковскій по порученію Императрицы посѣщалъ мастерскія художниковъ и картинныя выставки съ цѣлью пріобрѣтенія картинъ и о результатѣ своихъ изысканій часто писалъ въ Петербургъ. „Вашему Величеству угодно было, пишетъ онъ изъ Берлина отъ 15—(27) сентября 1827 г., чтобы я купилъ на выставкѣ нѣсколько картинъ Фридриха или Шинкеля. Но въ этомъ году нѣтъ картинной выставки, а лишь одна мануфактурная. Я былъ у Шинкеля, но у него нѣтъ ничего новаго".

Съ какой заботливостью относился поэтъ къ только что поименованнымъ художникамъ, можно судить потому, что едва успѣлъ онъ пріѣхать въ Петербургъ, какъ уже 5—(17) ноября того же 1827 года писалъ за границу къ одной своей знакомой—Е. Г. Пушкиной *)... „Теперь просьба: дайте знать что нибудь о

*) Елена Григорьевна Пушкина, урожд. Воейкова, была супругою, а съ 1825 года вдовою извѣстнаго остроумца—москвича Алексѣя Михайловича Пушкина.

Кларѣ. Въ Дрезденѣ ли онъ и что дѣлаетъ. Еще прошу Васъ сказать Фридриху, что я надѣюсь получать отъ него каждую весну по двѣ картины въ томъ размѣрѣ, въ какой уже взялъ отъ него нѣсколько. Мы съ нимъ говорили о сюжетахъ, онъ знаетъ мой вкусъ".

Наѣздами за границу Жуковскій каждый разъ накупалъ довольно много художественныхъ предметовъ и его петербургская квартира напоминала цѣлый музей: на столѣ красовались бюсты царской фамиліи, по угламъ разставлены гипсовые отливки античныхъ статуй, стѣны были увѣшаны множествомъ различныхъ картинъ.

Кромѣ занятій рисованіемъ, Жуковскій увлекся также гравированіемъ и въ одномъ изъ писемъ къ Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ писалъ: „Путешествіе сдѣлало меня и рисовщикомъ: я нарисовалъ au trait около 80 видовъ, которые самъ выгравировалъ такжѣ au trait. Чтобы дать вамъ понятіе о моемъ искусстве, посылаю мои гравюры Павловскихъ видовъ. Также будутъ сдѣланы и Швейцарскіе, только при нихъ будетъ описаніе".

Въ дѣлѣ гравировки Жуковскому много помогалъ нашъ знаменитый граверъ Н. И. Уткинъ тѣмъ, что травилъ черченыя имъ доски. Еще въ 1822 году Жуковскій, между прочимъ, писалъ ему въ письмѣ: „Мое гравированіе идетъ порядочно, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, скоро доставлю вамъ на травлю множество моего рукодѣлья, а васъ покорнѣйше прошу приготовить мнѣ остальныя доски, то есть загрунтовать"...

Въ слѣдующемъ году онъ пишетъ Уткину изъ Царскаго села и говоритъ, что по пріѣздѣ въ Петербургъ придетъ къ нему „тотчасъ изъ дилижанса".

Увлекаясь искусствомъ, самъ Жуковскій никогда не переставалъ благотворить и служителямъ искусствъ — художникамъ. На свои средства давалъ онъ нѣкоторымъ молодымъ людямъ образованіе въ Академіи Ху-

дожествъ и въ одномъ письмѣ къ тому же Уткину онъ пишетъ относительно одного изъ своихъ питомцевъ И. Проташинскаго, „Любезнѣйшій Николай Ивановичъ, я далъ Проташинскому двое панталонъ, одни лѣтнія, другія зимнія и синій жилетъ суконный и два шелковыхъ платка. Прикажите ему перешить панталоны; а что на это употребите, разумѣется будетъ мною заплачено. Да еще я велѣлъ ему купить лѣтнюю куртку, жилетъ и сапоги. Прошу васъ позаботиться, чтобы это у него было цѣло, то есть иногда спрашивать у него отчета".

Всецѣло отдавшись заботамъ о воспитаніи Наслѣдника, Жуковскій, по словамъ Плетнева, „былъ неутомимъ въ изысканіи средствъ, которыя бы, облегчая пріобрѣтеніе, въ то время и укрѣпляли его въ умѣ и памяти. Его жилище превратилось въ мастерскую ученаго художника, гдѣ по особеннымъ планамъ готовились всѣ пособія для классныхъ комнатъ".

Уроки рисованія давалъ Цесаревичу извѣстный баталическій живописецъ Ал. Ив. Зауервейдъ и Августѣйшій ученикъ, будучи еще 15 лѣтнимъ мальчикомъ, нарисовалъ два рисунка черкесовъ, которые и были помѣщены въ альбомѣ, изданномъ въ 1837 году Ваттемаромъ, извѣстнымъ всей Европѣ.

Развитію любви къ изящному въ Наслѣдникѣ, помимо наставника, много помогало все царское семейство, отличавшееся, какъ извѣстно, вкусомъ къ живописи, и охотно занимавшееся ею.

Въ 1837 г., путешествуя съ Наслѣдникомъ по Россіи, Жуковскій съ наблюдательностью художника подмѣчалъ все такъ или иначе выдающееся по пути и заносилъ въ дневникъ, иногда иллюстрируя его рисунками.

Такъ, напр., 12 мая 1837 г. въ дневникѣ было записано: „Переѣздъ въ Шую. У купца Киселева (мѣстнаго богача) ковры, картины, золоченые кивоты

съ образами—и тараканы... Соборъ, иконостасъ изъ серебра. Церковь Крестовоздвиженская. До 100.000 Посилину и Киселеву стоило ея украшеніе. Престолъ Campioni (работы итальянскаго художника). Смѣсь вкусовъ. Плащаница арзамасской работы" и т. д.

До сего времени извѣстны до 20 альбомовъ съ рисунками самого Жуковскаго, иллюстрирующими всевозможныя и многочисленныя его путешествія за границей и по Россіи. Въ библіотекѣ Государя Императора въ Собственныхъ Его Величества покояхъ въ Зимнемъ дворцѣ, до сихъ поръ хранится очень интересная шкатулка Императора Александра II-го съ разными предметами, имѣющими непосредственное отношеніе къ В. А. Жуковскому. Между прочими вещами поэта тамъ находятся два альбома, заключающіе въ себѣ—первый 176 рисунковъ, а второй 93. Рисунки перваго альбома представляютъ виды мѣстностей, встрѣчавшихся во время путешествія съ Наслѣдникомъ отъ Петербурга до Вознесенска, а во второмъ помѣщены рисунки, сдѣланные Жуковскимъ въ сентябрѣ того же 1837 года, когда онъ уѣзжалъ вмѣстѣ съ К. И. Арсеньевымъ, на короткое время прокатиться въ Крымъ.

О художественныхъ достоинствахъ рисунковъ Жуковскаго вполнѣ можно судить, хотя бы по тѣмъ работамъ его, которыя имѣлись на выставкахъ въ память Жуковскаго въ Московскомъ Коммерческомъ училищѣ и въ Историческомъ музеѣ, устроенныхъ въ текущемъ году въ Москвѣ.

Точные, если такъ можно выразиться — деликатные, какъ и сама натура Жуковскаго, рисунки, въ большинствѣ случаевъ, сдѣланы карандашемъ и только нѣкоторые обведены перомъ.

Удивительное знаніе перспективы, вкусъ и мастерство техники дѣлаютъ рисунки поэта - художника цѣлыми картинами, вполнѣ законченными и всегда интересными по замыслу.

Надо удивляться только, какъ при многочисленности занятій хватало Жуковскому времени для его художественныхъ упражненій. Въ одномъ письмѣ изъ Дерпта отъ 18 іюля 1836 г. онъ, напр., пишетъ граверу Уткину: „Я къ вамъ съ покорнѣйшей просьбою, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ. Послѣ сего письма черезъ десять дней самъ явлюсь въ Петербургъ. А между тѣмъ желалъ бы, чтобы вы сдѣлали мнѣ милость—приказали по приложенной мѣркѣ приготовить четыре мѣдныхъ доски съ ящикомъ такимъ же, какой вы мнѣ прежде дѣлали... Меня опять дернуло сдѣлать нѣсколько контуровъ, которые бы хотѣлось выгравировать. Прошу васъ быть мнѣ помощникомъ" и т. д.

Издавая свои сочиненія въ 1849 г., Жуковскій предъ „Пѣснью во станѣ русскихъ воиновъ", собственноручно представилъ въ небольшой виньеткѣ своего пѣвца, т. е. самого себя, безъ бороды, въ казачьей курткѣ, съ лирой, стоящимъ передъ бородачами—товарищами, расположившимися на землѣ около сторожевого огня.

Кромѣ альбомовъ съ собственными рисунками, у Жуковскаго было прекрасное собраніе работы многихъ итальянскихъ художниковъ, а также и всѣхъ тогдашнихъ корифеевъ нѣмецкаго искусства, каковы были: Шадовъ, Лессингъ, Гильдебрандтъ, Зонъ и др.

Живя въ Римѣ, поэтъ близко сошелся съ знаменитымъ скульпторомъ Торвальдсеномъ и извѣстнымъ художникомъ Овербекомъ, который казался Жуковскому очень интереснымъ по своимъ взглядамъ на искусство и „самымъ близкимъ къ идеалу живописца".

Сближенію со многими художниками очень способствовала дружба Жуковскаго съ живописцемъ Герардомъ Христофоровичемъ Рейтерномъ, на дочери котораго, Елизаветѣ Алексѣевнѣ, поэтъ впослѣдствіи женился.

Знакомство съ Рейтерномъ началось еще съ

1816 года въ Дерптѣ, на одномъ балу, гдѣ Рейтернъ являлся еще офицеромъ гусарскаго полка. Лишившись въ одномъ изъ сраженій правой руки, Рейтернъ превосходно рисовалъ одной лѣвой и его кисти принадлежитъ чудный акварельный портретъ, изображающій Жуковскаго стоящимъ у окна домика въ деревенькѣ Верне на берегу Женевскаго озера, гдѣ проживалъ въ то время Жуковскій.

Изъ общихъ знакомыхъ Рейтерна и Жуковскаго поэтъ особенно сошелся съ Гильдебрандтомъ и Зономъ изъ которыхъ первый — написалъ превосходный портретъ Жуковскаго, а послѣдній писалъ портретъ супруги поэта.

Что касается русскихъ художниковъ, то отношенія къ нимъ Жуковскаго были не только дружескія, но прямо-таки братскія. Кажется не проходило дня, чтобы поэтъ не хлопоталъ за кого-либо изъ нихъ. То онъ пишетъ изъ Швеціи къ Великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ письмо, въ которомъ проситъ за Брюллова, то хлопочетъ о Бруни или о Витбергѣ, то ободряетъ и заступается за Айвазовскаго, на первыхъ порахъ художественной дѣятельности.

Въ 1838 году Жуковскій заказываетъ Брюллову свой портретъ, разыгрываетъ его, съ помощью графа Вьельгорскаго за $2^1/_2$ тысячи въ лоттерею и выкупаетъ изъ крѣпостной зависимости будущаго знаменитаго малороссійскаго поэта Т. Г. Шевченко.

Шевченко, помимо поэтическихъ способностей, обладалъ и художественныхъ талантомъ. Помѣщикомъ Энгельгардтомъ, крѣпостнымъ котораго былъ Шевченко, послѣдній былъ отданъ на выучку къ одному петербургскому маляру. Въ свѣтлыя весеннія ночи маленькій Тарасъ потихоньку убѣгалъ изъ малярной мастерской въ Лѣтній садъ, гдѣ и рисовалъ съ находящихся тамъ статуй, Доведенный объ этомъ до свѣдѣнія Жуковскій высвободилъ маленькаго рисовальщика отъ

Энгельгардта и Шевченко былъ отданъ въ Императорскую Академію Художествъ.

Въ одномъ изъ писемъ 1844 г. изъ Дюссельдорфа, къ только что упомянутому М. Ю. Вьельгорскому, Жуковскій, говоря о своемъ житьѣ-бытьѣ, о продолжающейся болѣзни жены, пишетъ: „Еще просьба: здѣсь есть артистъ скульпторъ съ великимъ талантомъ и съ великою пустотою кармана; имя ему Нордгеймъ. Ему бы хотѣлось побывать въ Италіи и поклониться антикамъ въ Ватиканѣ и Капитоліи, и во Флоренціи, и въ Неаполѣ. А ѣхать туда не съ чѣмъ. Онъ вздумалъ сдѣлать мой бюстикъ по приложенному рисунку, въ круглой рамѣ, такъ что можетъ быть повѣшенъ на всякой стѣнѣ; словомъ онъ хочетъ сдѣлать изъ меня висѣльника и за это нажить денегъ. Нельзя ли тебѣ кликнуть въ Петербургѣ кличъ между своими и моими знакомыми, собрать подписку и, что важнѣе, деньги и прислать мнѣ эти деньги. Цѣна бюсту 3 р. Можешь вѣрно набрать подписчиковъ 50; а великимъ князьямъ и княжнамъ шепни, чтобы дали по 50 р. ассигнаціями. Императрица дастъ болѣе. Увѣдомь, возмешься ли это сдѣлать?“ и т. д.

Трудно было бы перечислить всѣ добрыя дѣла Жуковскаго, содѣянныя имъ за всю его долгую жизнь. Можно сказать, что вся его жизнь была сплошная цѣпь благодѣяній и правы тѣ, кто говорилъ, что изучать жизнь Жуковскаго слѣдовало бы для очищенія собственной жизни.

Задачей нашего очерка было охарактеризовать отношенія Жуковскаго не только къ искусству, но и къ художникамъ, хотя, надо сознаться, что трудно было бы пересчитать все, что составляло эти отношенія.

Атмосфера, въ которой вращался Жуковскій, вся была пропитана искусствомъ. Поэтъ, бывшій самъ прекраснымъ художникомъ, постоянно проповѣдывалъ о необходимости пониманія искусства и лицамъ его окру-

жавшимъ. Въ одномъ изъ писемъ къ великому князю Константину Николаевичу, Жуковскій, между прочимъ, писалъ: „Вы говорите, *въ галлереѣ* (въ Гаагѣ) *есть много картинъ Рембрандта* и пр., *но я не судья по этой части.* Я былъ бы доволенъ последнею фразою, когда бы вы сказали: еще не можете опредѣлять достоинства высшихъ произведеній искусства. Но вы, какъ великій князь, то есть, какъ назначенный имѣть вліяніе на цѣлый народъ, должны имѣть обо всемъ ясное понятіе, должны принимать участіе во всемъ, что входитъ въ составъ общественной жизни... Изящныя искусства украшаютъ жизнь; чувство изящнаго есть одно изъ высокихъ качествъ души человѣческой; безъ этого чувства человѣкъ глухъ, нѣмъ и слѣпъ посреди великаго Божьяго міра, гдѣ въ *прекрасномъ* выражается Богъ, недоступный уму, но вѣдомый сердцу. Не говорите же, когда дѣло идетъ объ искусствѣ: *я не судья по этой части.* Не пренебрегайте тѣмъ, что облагораживаетъ душу. Оно нужно вамъ, какъ *человѣку,* нужно какъ *царскому сыну*, который съ своего высокаго мѣста, самъ доступный любви къ прекрасному, долженъ своимъ вліяніемъ разливать сію любовь и посреди того общества, на которое Богъ опредѣлилъ ему имѣть обширное вліяніе“.

Незадолго до смерти поэтъ,. болѣя глазами, все же продолжаетъ работать и въ статьѣ „объ изящномъ въ искусствѣ“, написанной въ 1848 г., говоритъ: „Источникъ искусства — творческая сила человѣка“, „Матеріалы для творенія суть: слово, звукъ, краска, твердая матерія“. „Цѣль искусства — не иное что, какъ самое сіе созданіе, которое въ то же время должно быть и созданіе изящное, то есть пробуждающее въ душѣ сладостное ощущеніе красоты“.

Въ своихъ послѣднихъ письмахъ къ Гоголю Жу-

ковскій опять таки говоритъ о художествѣ, художникахъ, задачахъ творчества и т.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что самое сближеніе обоихъ писателей, завязавшееся на почвѣ любви къ искусству, къ художеству, продолжалось во все время ихъ обоюднаго знакомства. И тотъ и другой были не только теоретиками въ искусствѣ, но и художниками-рисовальщиками.

Смерть Гоголя такъ была неожиданна для Жуковскаго, что,—по выраженію поэта, прямо таки „оглушила“ его.

Недолго послѣ Гоголя

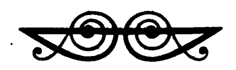
„Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый“...

Не прошло полныхъ 50-ти дней со дня смерти друга, и Жуковскій тихо отошелъ къ Тому, въ Комъ, по его собственнымъ словамъ, выражается *Прекрасное.*

Пройдутъ года, поколѣнія смѣнятъ одно другое, а искусство вѣчно останется жить, и надо только пожелать, чтобы для процвѣтанія его почаще являлись такія лица, каковы чествуемые теперь Россіей писатели Н. В. Гоголь и В. А. Жуковскій.

И. Евсѣевъ.

Москва,
апрѣль 1902 г.

ИЗДАНІЯ А. Н. СМИРНОВА.

А. Н. Смирновъ. „Стѣнныя таблицы для преподаванія начальнаго рисованія“. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія* **рекомендованы** *въ качествѣ руководства для среднихъ и низшихъ общеобразовательныхъ и техническихъ учебныхъ заведеній.* Цѣна 5 руб., съ пересылкою 5 р. 50 к.

А. Н. Смирновъ. „Таблицы для преподаванія начальнаго рисованія“. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія* **одобрены** *какъ учебное руководство для тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ преподается начальное рисованіе.* 2 выпуска. 1 выпускъ.—Прямолинейный и легкій криволинейный орнаментъ. II-й выпускъ.—Стильный криволинейный орнаментъ. Цѣна каждому выпуску 75 коп.

А. Н. Смирновъ. „Систематическій курсъ рисованія по сѣткѣ“. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія* **рекомендованъ** *въ качествѣ руководства для начальныхъ городскихъ и сельскихъ школъ.* Цѣна 1 р.

Полотно, разграфленное на квадратную сѣтку, замѣняющее классную доску, для преподаванія рисованія по „Систематическому курсу рисованія по сѣткѣ“ и обученія прямому письму. Размѣръ полотна около 1 аршина 8 верш. ширины и 1 арш. 4 верш. длины; пишутъ и рисуютъ на немъ углемъ. Цѣна 6 руб.

А. Н. Смирновъ. „Образцы для рисованія по сѣткѣ“. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія* **одобрены** *какъ учебное руководство для тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ преподается рисованіе по сѣткѣ.* Выпускъ I. Цѣна 25 к.

А. Н. Смирновъ. „Образцы для рисованія по сѣткѣ“. Выпускъ II. Цѣна 25 коп.

А. Н. Смирновъ. „Собраніе готическихъ буквъ для вышиванія гладью“. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія* **одобрено** *въ качествѣ учебнаго пособія для женскихъ гимназій, прогимназій и профессіональныхъ училищъ Мин. Нар. Просв.* Выпускъ. I. Цѣна 30 коп.

Э. Гердтле, проф. „Геометрическій орнаментъ“. Собраніе узоровъ для начальнаго черченія. 60 таблицъ въ 3-хъ частяхъ, по 20 таблицъ въ каждой.

Часть I. Образцы для черченія несложныхъ прямо и криволинейныхъ узоровъ. **Часть II.** Образцы для черченія въ связи съ рисованіемъ несложныхъ узоровъ. **Часть III.** Образцы для черченія въ связи съ рисованіемъ сложныхъ стильныхъ узоровъ.

Цѣна каждой части 1 р. 25 к. За всѣ три части въ роскошной папкѣ 3 р. 75 к.

А. Н. Смирновъ. „Собраніе моделей по столярному дѣлу“. *Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія* **рекомендовано** въ качествѣ учебнаго пособія для промышленныхъ училищъ М. Нар. Просв. (см. слѣд. стр).

А. Н. Смирновъ. „Чертежи для изготовленія **собранія моделей по столярному дѣлу“.** Цѣна 3 р. 60 к.

Адреса учебныхъ заведеній для наклеиванія на бандероли, циркуляры и проч.

Складъ: С.-Петербургъ. Озерной пер., д. 6.

Серія IV. Способы ящичной вязки дерева.

1) Вязка на-усъ съ помощью клея. 2) Вязка прямыми шипами. 3) Вязка наклонными шипами. 4) Вязка сквозными косыми шипами. 5) Вязка скошенныхъ и закругленыхъ угловъ. 6) Вязка косыми шипами въ полупотайку. 7) Вязка на-усъ въ потайку. 8) Вязка на чистый усъ въ потайку . . . . **15 руб.**

Серія V. Способы вязки табурета и подстольевъ.

1) Вязка табурета. 2) Вязка подстолья въ накладку 3) Вязка стола съ украшеніями . . . **16 руб.**

Серія VI. Примѣры сборки крупныхъ издѣлій.

1) Верхняя часть шкафчика съ ящикомъ. 2) Нижняя часть шкафа съ пяточною петлею . . **20 руб.**

Серія VII. Основныя формы калевокъ.

1) Платикъ или полочка. 2) Платикъ или полочка. 3) Валикъ. 4) Полуваликъ. 5) Выкружка. 6) Гусекъ. 7) Каблучекъ. 8) Скоція . . . . . . **12 руб.**

Серія VIII. Примѣры карнизныхъ, поясныхъ и цокольныхъ профилей.

1) Карнизные профиля (3 модели). 2) Поясные профиля (3 модели). 3) Цокольные профиля (3 модели) . . . . **30 руб.**

Каждая серія можетъ быть пріобрѣтаема отдѣльно.

Учебныя заведенія, имѣющія возможность наклеить чертежи на картонъ, лакировать ихъ, сдѣлать рамы и пр. собственными силами, **могутъ пріобрѣтать модели безъ рамъ и чертежей** по слѣдующимъ цѣнамъ: Серія I—**6** руб. Серія II—**7** руб. Серія III—**9** руб. Серія IV—**10** руб. Серія V—**11**. Серія VI—**15** руб. Серія VII—**7** р. Серія VIII—**25** р. Всѣ 8 серій **90** р.

Допускается разсрочка платежа.

Чертежи для изготовленія моделей всѣхъ VIII серій продаются **по 3 руб. 60 коп. исключительно учебн. завед.**

Съ требованіями обращаться къ автору **С.-Петербургъ, Озерной пер., д. 6.** Пересылка и упаковка за счетъ покупателя. Вѣсъ съ упаковкой болѣе 3-хъ пудовъ.

